

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ДИКИ ВЕЛИКИХ

LA DIVINA – БОЖЕСТВЕННАЯ МАРИЯ КАЛЛАС

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

Мария Каллас (1923 — 1977) — греческая и американская певица, одна из величайших оперных певиц XX века. Она была универсальной певицей с самым широким репертуаром множества классических опер. Критики говорили, что у нее «четыре голоса в одном горле». Каждый спектакль с участием Марии Каллас превращался в настоящую сенсацию.

Трагическая личная жизнь привела к потере голоса, разрыву с «Метрополитен Опера» и вынужденному уходу из «Ла Скала». Но записи опер с Марией Каллас навсегда сохранили за ней титул — «Божественная».

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

**LA DIVINA — БОЖЕСТВЕННАЯ
Мария Каллас (Maria Callas)**

*...ибо много званых, но мало
избранных*

Евангелие от Матфея, гл. 22

«...Не было ничего прекраснее минуты, когда я начинала петь. Это захлестывало меня больше, чем волны Эгейского моря. Как объяснить, что такое театр, сцена, что такое сводить с ума двадцать пять тысяч зрителей за один вечер. Они слушали мою «Медю», понимая, что я пою о себе.

Мне порой казалось, что моя жизнь повторяет судьбы моих героинь. Медея — это роль, написанная как будто специально для меня.

Ведь Медея пожертвовала всем, включая отца, брата и детей, ради залога вечной любви Ясона и завоевания Золотого руна. Но она была предана Ясоном. Я чувствовала Медею, она стала моим вторым «я» — горячая, отчаявшаяся, но внешне спокойная. Счастливое время с Ясоном прошло. Она была раздираема страданиями и страстями», — так говорила Мария Каллас, с горечью отмечая, что, по иронии судьбы, ее собственная жизнь стремилась превзойти трагизм ролей, которые она играла в театре.

Так же, как жертвенная и самозабвенная в своей любви Медея была предана Ясоном, Каллас была предана человеком, который был для нее греческим богом — судостроительным магнатом Аристотелем Онассисом. В жертву ему она принесла свою карьеру, мужа, ребенка, свой потрясающий вокальный дар — все, что у нее было в жизни. Великая певица, абсолютная Примадонна, Каллас жила в параллельном мире. Ее реальная жизнь была воспроизведением сценических событий.

...Огромный греческий амфитеатр, вместивший двадцать пять тысяч человек, был переполнен. Люди сидели на земле между

древними руинами некогда прекрасного театра Epidaurus. Замерев, они слушали потрясающе глубокий голос Марии Каллас. Одетая в древнегреческие одежды, она казалась ожившей героиней мифа о Золотом руне.

Мария знала, чувствовала, что уже никогда не сможет так спеть, как в тот вечер в древнегреческом театре, посреди вековых руин, под яркими звездами темно-синего неба, когда и седые камни, сохранившие дневное тепло солнца, и морской воздух, и оливковые рощи — все служило естественной декорацией к потрясающему действию. В финальной сцене оперы в ночное небо взметнулось несколько белых голубей — это был знак восторга и поклонения перед Великой Певницей.

Могучим эхом раздавались в огромном амфитеатре овации, ее долго не отпускали со сцены, и когда она, обессиленная, шла к выходу, толпа ценителей ее таланта сомкнулась вокруг нее. Мария не могла ступить и шагу. Тогда кто-то из толпы выкрикнул: «Дорогу, дайте дорогу греческой богине оперы!» Проход моментально очистился, люди кричали: «Viva, Maria, viva!»

Мария Каллас при жизни была любима, обожествляема, ненавидима, почитаема и презираема, ей довелось испытать полную чашу унижения и горя. Но никогда ее профессиональное

мастерство не оставляло никого равнодушным. Она осталась в истории оперы незабываемой и неоспоримой PRIMA DONNA ASSOLUTA FOR EVER.

* * *

Анна Сесилия София Мария Калогеропулос прибыла в Америку весьма необычным путем — в утробе матери. В отличие от других греческих иммигрантов ее небольшая семья путешествовала с полным комфортом. Каюта первого класса была шикарнейшей, Георгес Калогеропулос позаботился о том, чтобы его жена Евангелия, которую все звали Лиза, и шестилетняя дочка Джеки не испытывали никаких трудностей. Лиза взяла с собой многочисленные наряды, роскошное меховое манто, столовое серебро и даже старинные подсвечники — она любила путешествовать с комфортом.

Старшая дочь Джеки родилась в Греции в 1917 году, а мальчик по имени Вассилиос родился на три года позже. Базиль был любимцем матери, но заболел тифозной лихорадкой в возрасте трех лет и скоропостижно скончался. Эта трагедия потрясла семейство, особенно Евангелию.

Георгес, амбициозный предприниматель, ловец удачи, решил резко изменить жизнь семьи, он

продал процветающий бизнес — аптеку, и сообщил своей жене, что они уезжают туда, где их ждет иная, прекрасная жизнь — в Америку. Нужно заметить, что сообщил он это Лизе буквально за три дня до отъезда, так как знал, что она не хочет уезжать из Греции. Лиза ожидала ребенка, тяжело переносила беременность, поэтому Георгес не хотел ее беспокоить.

Девочка, которой при рождении было дано имя Мария, родилась 2 декабря 1923 года, спустя четыре месяца по прибытии семьи Калогеропулос в Америку. Лиза страстно хотела, чтобы родился мальчик, и была настолько огорчена рождением девочки, что отказывалась даже посмотреть на нее или прикоснуться к новорожденной в течение первых четырех дней. Лишь спустя три года девочку крестили в греческой ортодоксальной церкви, ей было дано имя Анна Сесилия София Мария. В свидетельстве о рождении значилась иная, более короткая чем Калогеропулос, фамилия — Каллас.

Мария, как звали ее близкие, росла одиноким ребенком, она была предоставлена самой себе, когда Джеки была в школе, а мать находилась во власти меланхолии и депрессии. Лиза была всем недовольна: переездом в Америку, рождением дочки. В семье часто возникали ссоры. Девочки рано поняли, что мать с отцом не ладят и не любят

друг друга. Поначалу Джордж — он изменил свое имя на американский манер — открыл роскошную аптеку в Манхэттене в 1927 году, но во время Великой Депрессии разорился.

Семья часто меняла место жительства, каждый раз снимая все более скромные квартиры. Георгис работал по шестнадцать часов в сутки, чтобы семья могла свести концы с концами. Лиза мечтала вернуться в Грецию, в Америке она чувствовала себя неуютно. Она любила музыку, хотела стать актрисой. В Афинах у Лизы был рояль, она немножко играла, любила слушать классическую музыку по радио. Пианола, которую купил Георгис в какой-то степени восполнила отсутствие музыки в доме. Лиза любила оперу и часто слушала записи арий из опер Верди, Беллини. При звуках музыки Мария оставляла все и сидела не шелохнувшись, внимательно слушая оперы. О чем она грезила, что виделось ей в туманном будущем?

Их небольшая квартира превратилась в поле битвы, где отец и мать каждый сражался за свои права. Единственным другом Марии была старшая сестра, которая читала ей книги, рассказывала различные истории, общалась с ней. Мария буквально стала ее тенью. Как-то, когда ей было шесть лет, она провожала Джеки в школу и, подходя к школьному автобусу, не заметила

идущую машину — она была близорука. Ее сбил автомобиль на улице Манхэттена. Мария была в коме в течение двенадцати дней, после чего лежала в больнице еще двадцать два дня. Никто не ожидал, что она выживет.

Эта ранняя травма, казалось, вдохнула в нее страстную решимость преодолевать все будущие препятствия в жизни и способность к сверхдостижениям во всем, что бы она ни пыталась сделать.

Музыка стала ее страстью с ранних лет. Уже в трехлетнем возрасте Мария внимательно слушала записи классических произведений, а в семь лет начала петь, повторяя знакомые оперные арии. У нее был красивый голос, феноменальный музыкальный слух и память. Она выступала на всех школьных праздниках и вскоре стала звездой концертов. Когда ей было десять лет, она знала наизусть оперу «Кармен». На первом этаже дома, где они снимали квартиру, жила некая синьора Сантрина. Она давала Джеки уроки фортепиано всего за пятьдесят центов, и Лиза уговорила ее за дополнительные двадцать пять центов взять в ученицы и Марию. Девочка делала огромные успехи, и Лиза подумала, что именно она, нежеланная дочь, сможет воплотить ее мечты в жизнь, стать знаменитой. Во время Депрессии у американцев проявился огромный интерес к

чудо-детям, маленькой королевой киноэкрана была прелестная Ширли Темпл с ее локонами, умением петь, танцевать. Она зарабатывала огромные деньги, к ней и ее родителям пришла настоящая слава.

«Почему бы и Марии не стать знаменитостью?» — подумала Лиза, решив компенсировать собственные неудачи с помощью талантливой дочери. Они ходили в библиотеку на 42-й улице, где в музыкальном отделе слушали записи опер, итальянских песен. Вернувшись домой, Мария сразу же повторяла услышанное. «Только когда я пепа, я чувствовала, что меня любят», — вспоминала она. Когда Мария смотрела на себя в зеркало, она понимала, почему мать больше любит красивую и стройную старшую сестру. Сама она была толстым неуклюжим ребенком, носила очки в уродливой оправе, но в душе этого гадкого утенка жил прекрасный Лебедь, который лишь ждал своего часа.

Когда Марии исполнилось одиннадцать лет, она с сестрой и матерью была в нью-йоркской Метрополитенопера, они слушали знаменитую певицу Лили Понс. «Когда-нибудь я сама стану звездой, большей звездой чем она», — сказал Мария убежденно, и мать задумчиво посмотрела на нее. Она восприняла слова дочери весьма серьезно. Все свободное от школы время было у Марии

наполнено упражнениями в вокале, фортепиано. Девочка не знала, что такое игры со сверстниками, мать настаивала на постоянном совершенствовании.

Формальное образование закончилось для Марии в тринадцатилетнем возрасте. К этому времени обстановка в семье накалилась до такой степени, что Лиза, схватив двух дочерей-подростков в охапку, заняв денег, где было возможно, отправилась с ними в Грецию. Только там, решила она, можно дать девочкам музыкальное образование, воплотить в реальность свои мечты, приблизить светлое будущее.

РОЖДЕНИЕ ПЕВИЦЫ

Пароход под звучным именем *Saturnia* плавал под итальянским флагом. Бравый капитан, как и полагается итальянцу, был страстным любителем оперы. Даже во время плохой погоды он старался развлекать пассажиров своим пением. Лиза считала, что ей с девочками повезло, она сможет уже здесь, на корабле, завязать нужные знакомства. И вот после сильной качки, когда наступила ясная погода и море успокоилось, Лиза во всеоружии вышла из каюты. Она надела лучшее платье, украшенное фестонами и оборками, на голове у нее была изящная шляпка, которую она освежила, приколов

несколько незабудок, и отправилась в салон, где собирались пассажиры судна. Она сказала нескольким дамам о том, что ее дочка — музыкальный чудо-ребенок, что ее голос потрясает всех, что у нее было много концертных предложений в Америке, но она хочет усовершенствовать ее умение петь.

Слух о чудо-ребенке моментально разнесся по кораблю, и капитан пригласил Лизу с дочерьми на party, которое капитан по традиции устраивал для пассажиров.

Это был первый большой успех тринадцатилетней Марии. Она пела «Хабанеру» из оперы Бизе «Кармен». Джеки ей аккомпанировала, капитан и Лиза сидели в первом ряду. Когда Мария закончила петь, она, повинувшись импульсу, выхватила одну красную розу из букета, стоявшего на столике, и воткнула себе в волосы. Наградой были горячие аплодисменты. Капитан от имени всех поблагодарил юную певицу, вручил ей букет алых роз и красивую большую куклу с фарфоровым личиком, одетую в итальянский народный костюм. Мария была счастлива — это была первая в ее жизни кукла, она стала ее талисманом.

— Смотрите, какое голубое небо, такое небо бывает только в Греции, вдохните этот чистый воздух, — не уставала повторять Лиза, когда они

сошли на берег и погрузились с многочисленными вещами в извозчичью пролетку.

Повозка мерно покачивалась, лошади цокали копытами по булыжной мостовой, вокруг ходили бедно одетые люди, а Лиза без устали говорила о красотах Греции и о том, насколько здесь лучше, чем в Нью-Йорке.

— Вот увидите, — не умолкала она, — как здесь прекрасно, как богато живут люди. Нам в Греции будет намного лучше, чем в Америке.

Однако действительность оказалась намного прозаичнее — дом матери Лизы был тесным и старым, многочисленные греческие родственники ожидали, что Лиза привезет богатые подарки. Ведь они жили в Америке, а там, говорят, даже мостовые вымощены золотом.

Лизу с двумя дочерьми поселили в одной комнате. Девочки никак не могли привыкнуть к новой стране, не знали языка, скучали за отцом и Нью-Йорком, в котором выросли. Здесь все было чужим — еда, запахи, обычаи. Но Лиза была в восторге — она вернулась к себе домой. У нее была одна цель — определить Марию в National Conservatory. «Она должна учиться петь, это ее будущее, она принесет славу и богатство нашей семье», — с этой мыслью Лиза засыпала и встречала новый день. Впоследствии Мария говорила, что мать лишила ее детства. «Как только

мать осознала мое вокальное дарование, она тут же попыталась сделать из меня чудорбенка. Я не знала, что такое расслабиться, целыми днями я упражнялась в пении, меня лишили какого бы то ни было светлого воспоминания об отрочестве».

Мать Марии использовала все семейные связи, чтобы попытаться устроить Марию в Национальную консерваторию. По традиции туда принимали лишь с шестнадцати лет, и Марии пришлось солгать и добавить недостающие два года. Она была рослой девушкой, и обман прошел незамеченным.

Выдержав блестяще вступительный экзамен, Мария начала учиться в престижной Национальной консерватории под руководством известной испанской оперной дивы Эльвиры де Идальго. Позднее Каллас скажет: «Всем моим мастерством, вокальной и музыкальной подготовкой, моим художественным воспитанием как актрисы и человека я обязана Эльвире де Идальго».

Эффектная, темноволосая, с горящими глазами, великолепная певица, звезда Метрополитен-опера, Ковент Гардена и Ля Скала, де Идальго стала кумиром Марии Каллас. Мария старалась проводить каждый свободный час со своим педагогом. Она выполняла ее мелкие поручения, даже помогала в уборке квартиры.

Мария нуждалась в ее обществе, и знаменитая певица это поняла, приняв Марию в свою семью. Она открывала ей тайны вокального мастерства, заботилась о ее внешнем виде, подобрала ей соответствующую диету. Они оставались друзьями до конца дней. Эльвира Идальго впоследствии скажет о своей знаменитой ученице: «Она была свечой, которая горела с обоих концов».

Дебют Марии на сцене Афинской оперы в одноактной опере *Suor Angelica* был триумфальным. Все начиналось прекрасно, с ней был подписан контракт на несколько выступлений. Однако никто из жителей Афин не подозревал тогда, что вскоре их жизнь полностью изменится. Тучи сгущались над Европой — шел июнь 1940 года.

Война для Греции, как и для всей Европы, была страшным бедствием. Семья Каллас не была исключением. «Мы страшно нуждались, иногда по несколько дней не видели хлеба, — вспоминает сестра Марии Джеки. — Мария потом в течение всей жизни не могла позволить себе выбросить еду, — сказывались воспоминания военного времени». Она продолжала занятия в консерватории и в 1941 году в возрасте восемнадцати лет спела свою первую большую оперную партию в «Тоске», получив за нее

казавшуюся тогда баснословной сумму в шестьдесят пять долларов.

Ее отношения с матерью становились все более сложными. Лиза, агрессивная и амбициозная, требовала от Марии все большего, упрекая ее в бездействии. Точно так же она вела себя и по отношению к своему мужу, что и послужило причиной их развода. Мария мечтала уехать по окончании войны в Америку. Она любила отца, надеялась на его ответное чувство — ведь должен же быть хоть кто-нибудь, кого можно любить, кому можно верить.

...Прошло восемь лет с того дня, как Лиза убежала с дочерьми в Грецию. Там прошла юность Марии, но она родилась и жила первые тринадцать лет в Америке, и воспоминания безмятежного детства не покидали ее.

Она не забыла долгие прогулки с отцом по улицам Манхеттена, помнила, как они заходили в кондитерские, ели вкусное мороженое из вафельных стаканчиков. Мария вспоминала небоскребы Нью-Йорка, нарядную толпу, элегантных женщин, множество автомобилей. Огни большого города манили ее, а еще — и при этих словах сердце сладко томилось — там, в Нью-Йорке она бы могла петь в Метрополитен-опера. Возможно ли большее счастье?

...Случайно оказалось, что на корабле SS Stockholm, который следовал в Нью-Йорк, было одно свободное место, кто-то сдал билет в последнюю минуту. Мария не раздумывала. Она поспешно бросала свои старые платья в небольшой чемодан. Мать, по своему обыкновению, кричала на нее, обвиняя во всех грехах. Пароход отбывал на следующий день, медлить было нельзя — сама судьба предоставила ей этот случай. Через несколько месяцев Марии исполнится двадцать один год. Восемь лет она не видела отца, за восемь лет не получила от него ни одной строчки. Но все равно, верила Мария, он помнит ее, любит, и они обязательно встретятся!

Всего десять дней отделяли Марию от желанного дня встречи, она заботливо спрятала кошелек, в котором было сто долларов — все ее состояние. Прощай, Мария Калогеропулос, отныне она — Мария Каллас, так как записано в ее американском паспорте.

НЬЮ-ЙОРК. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Огромный корабль на рассвете медленно входил в нью-йоркскую гавань. Пассажиры, измученные долгим путешествием, сгрудились на палубах. Силуэт статуи Свободы вырисовывался сквозь густой туман. Люди радостными возгласами

приветствовали прибытие в Америку. Они размахивали платками, шляпами, обнимались — радость охватила всех, кто так долго стремился сюда, к берегам Свободы. Мария была среди них. Слезы радости выступили у нее на глазах. Она была уверена, что ее никто не встретит — ведь она никому не сообщила о своем приезде, да и кому она могла бы передать эту весточку?

Мария взяла свой небольшой чемодан, в котором вперемежку со старыми платьями лежали ноты ее оперных партий, и пошла к выходу. Вдруг она услышала громкий возглас «Мария!» и увидела щеголеватого мужчину с аккуратно подстриженными усиками в элегантном легком пальто. Он протиснулся сквозь толпу, схватил ее чемодан и свободной рукой обнял ее за плечи. «Мария, Мария», — повторял он, не скрывая слез. Мария смотрела в его глаза и не могла поверить — восемь лет они не видели друг друга, время посеребрило его волосы, но он оставался все таким же молодцеватым, подтянутым. Джордж Каллас помнил Марию тринадцатилетним неуклюжим подростком, а сейчас перед ним была очень полная молодая женщина, в платье, которое ее отнюдь не украшало. Но все равно, он узнал ее, свою Марию, ее энергичную походку и эти горящие глаза.

Безусловно, так было угодно Судьбе. Ведь Джордж не знал о том, что Мария собирается

приезжать в Америку. Он случайно прочел газетную заметку о том, что шведская пароходная линия предоставляет услуги американцам, которые собираются вернуться на родину. Подталкиваемый инстинктом, Джордж позвонил в компанию и попросил прочитать список пассажиров. И вот чудо из чудес, ему сказали имя: Мария Каллас.

Все это быстро, несколько скомканно Джордж объяснил Марии, пока они ожидали такси. Они сейчас поедут к нему домой, Мария ведь не возражает жить в его квартире, не так ли? Она быстро и радостно согласилась. Еще бы, ведь она опять была в Нью-Йорке, встретила с отцом. Мария рассказала о своих успехах, показала газетные статьи, словом, все складывалось как нельзя лучше. Первая неделя прошла безмятежно, а потом Мария обнаружила, что в жизни отца произошли серьезные изменения. В его квартире появилась молодая женщина по имени Александра. Мария знала ее с детства, она была дочерью их соседей. Александра вела хозяйство Джорджа, закупала продукты, убирала в квартире, готовила еду. Она жила этажом выше. После совместного обеда с Марией отец поднимался к Александре и прямо оттуда шел на работу. Сначала Мария отнеслась к появлению соседки довольно спокойно: ведь, в конце концов, отцу только пятьдесят, он фактически одинок. Александра — милая скромная

женщина, которая, по всей видимости, любит Джорджа. Но так говорил разум, а неукротимое сердце Марии, ее чувство собственности не позволяло примириться с присутствием другой женщины в жизни ее отца. Она искала повод для ссор и, в конце концов, поставила вопрос ребром: отец должен выбирать между нею и любовницей. Джордж отказался решать вопрос таким образом, и Марии пришлось смириться. Она старалась проводить дома как можно меньше времени, гуляла по улицам Нью-Йорка, останавливаясь возле небольших кафе с удовольствием поглощая американскую еду: хот-доги, всевозможные бургеры, блинчики со сладким кленовым сиропом, и, конечно, любимое ванильное мороженое — ведь она так долго была лишена этого.

Мария прибавляла в весе, и вскоре все ее платья, которые она привезла в Америку, стали тесными. Ее певческая карьера тоже не складывалась. Прослушивания, на которые она приходила, не приносили желаемого результата, сказывалось отсутствие тренинга.

Ее полнота, некрасивая тесная одежда, неумелый, слишком яркий макияж — все это производило неприятное впечатление на избалованных продюсеров Метрополитен-опера, которые привыкли иметь дело с прославленными певцами и совершенно не были заинтересованы в

том, чтобы пестовать молодые дарования. «Я вам советую сначала завоевать Италию, а потом приехать к нам», — сказал один из дирижеров Метрополитен-опера. «Если я завоюю Италию, я к вам уже не вернусь», гордо произнесла Мария и вышла из комнаты строевым шагом.

Ее жизнь явно не заладилась. Мать писала грозные письма, в которых ругала Марию, обвиняя ее в том, что она ее бросила. Лиза требовала денег, жаловалась на одиночество. Мария, не спросив отца, приняла решение вызвать мать в Америку. Она пошла к крестному, доброму и отзывчивому человеку, и попросила денег на билет, сказав, что оба — Лиза и Джордж хотят попытаться опять быть вместе.

Внезапный приезд Лизы означал полный крах отношений Джорджа и Александры... Влюбленные были безутешны, ведь Лиза возвращалась на правах супруги. «Зачем, зачем ты это сделала, — в который раз Джордж спрашивал свою дочь, — зачем ты лишила меня счастья, надежды, ты ведь знаешь, что мы с Лизой никогда не сможем жить вместе». Мария твердо стояла на своем: она была уверена, что родители должны соединиться. Возможно, в ней говорила зависть, ревность, нетерпимость к счастью других людей. Так или иначе, ей удалось уговорить отца. Скрепя сердце,

он согласился еще раз попытаться восстановить разрушенное.

Роскошный океанский лайнер Quinn Elizabeth прибыл в нью-йоркскую гавань рождественским вечером 1946 года. Среди пассажиров была Лиза Калогеропулос, ее встречали дочь и муж. С первых минут стало очевидным, что возобновление даже дружеских отношений невозможно. Слишком далекими они стали друг другу, слишком много обид и претензий накопилось у Лизы. Джордж тосковал по своей возлюбленной, по разрушенной тихой идиллии их отношений.

Первый же день пребывания Лизы в их некогда общей квартире стал сущим адом для троих участников драмы. Лиза обнаружила вещественные доказательства связи ее мужа с Александрой. Дело дошло до рукоприкладства, Лиза кричала оскорбления в адрес обоих. Найдя в гардеробе вещи Александры, она, распахнув окно, выбросила их на улицу, открыв двери, призывала соседей в свидетели. Потом она забаррикадировалась в спальне и запретила Джорджу даже подходить к дверям комнаты. Она грозила покончить жизнь самоубийством, если Александра, которая жила этажом выше, не покинет этот дом.

Что было делать? Боясь, что Лиза и вправду может покончить с собой, бедная женщина

переехала к своей матери, которая жила в соседнем районе.

Жизнь превратилась в ад. Ютясь в небольшой квартире, мать и Мария делили одну комнату, Джордж спал в другой. Мария проклинала себя за содеянное, стараясь как можно меньше находиться дома. И вот в самый тяжелый момент, когда мать устраивала бесконечные скандалы, требуя, чтобы Мария пошла работать продавщицей в любой магазин, судьба вновь дала Марии еще один шанс.

Знаменитый итальянский тенор Джованни Дзенателло, основатель и директор фестиваля оперного искусства Arena di Verona, искал молодую певицу-сопрано для исполнения заглавной роли в опере Понкиелли *La Gioconda*. Ему посоветовали прослушать молодую певицу Марию Каллас, которая, как говорят, обладает изумительным по глубине голосом. Дзенателло буквально с первых звуков понял: он нашел ту, которую искал несколько лет, свою певицу, яркую, драматичную, которая сможет покорить огромную аудиторию Arena di Verona.

Мария сразу же согласилась на предложение маэстро поехать в Италию — она была счастлива вырваться из тесного мирка маленькой нью-йоркской квартиры, где Лиза устраивала ежедневные скандалы.

И опять длительное путешествие пароходом. В тот раз это был пароход SS Rossia, принадлежавший российской пароходной компании. «Я купила самый дешевый билет, вокруг была грязь, условия были ужасные, но я знала — меня ждет опера, сцена, музыка», — говорила впоследствии Мария Каллас, и она не ошиблась — все было именно так и даже еще лучше...

ИТАЛЬЯНСКИЙ ДЕБЮТ

Джиованни Батиста Менегини унаследовал от отца большую компанию по производству строительных материалов. Дела шли успешно, Батиста был богатым человеком, его состояние исчислялось несколькими миллионами долларов. Но бизнес бизнесом, а настоящим увлечением невысокого, немолодого, лысеющего Менегини была опера. Что ж, он был итальянцем, а какой итальянец не любит оперу? Он прекрасно разбирался в голосах, знал на память множество оперных арий, и неудивительно, что он был одним из первых посетителей оперного фестиваля в Вероне.

В свои 54 года Менегини еще ни разу не был женат, чувствовал себя неловко с женщинами. Ему казалось, что он, с его внешностью, вообще не создан для семейной жизни. Свободное от

управления обширным бизнесом время Менегини посвящал изучению истории родной Вероны и соседней с ней Венеции. Батиста не говорил по-английски, но получил хорошее образование в Италии и был весьма доволен жизнью.

Марию Каллас он услышал во время репетиции оперы *La Gioconda*. Она поразила его звучанием голоса, силой драматизма, он запомнил ее имя, ее облик. Верона — небольшой город, они с Марией были представлены друг другу, и Батиста предложил показать Марии город.

Им было легко общаться друг с другом. Они ходили по узким улочкам Вероны — городу, который обессмертил Шекспир в своей драме «Ромео и Джульетта». Менегини показывал ей балкон, на который выходила юная Джульетта, палаццо, в которых жили Монтекки и Капулетти. Находясь рядом с Батистой, Мария не смущалась своей полноты. Они оба с удовольствием поглощали вкусную пиццу, маленькие фруктовые пирожные. Их объединяла страстная любовь к опере. Пожалуй, впервые в жизни Мария была счастлива — ею откровенно восхищались, говорили комплименты.

Приближалась премьера четырехактной оперы *La Gioconda*, которая должна была состояться на знаменитой *Arena di Verona*. Когда Мария впервые увидела этот гигантский амфитеатр, она была

потрясена. Батиста рассказывал ей, что именно здесь, на сцене античного театра, состоялась премьера оперы Верди «Аида», это было величественное зрелище. Мария опасалась, что ее голос будет недостаточно сильным, чтобы заполнить гигантское пространство театра на 25 тысяч мест. Батиста предложил оплатить уроки вокального мастерства у лучшего педагога Вероны, знаменитого маэстро Кузинати. Премьера оперы была назначена на 3 августа, до этого события оставалось еще четыре недели — время, достаточное для подготовки.

«Мне невероятно повезло, потому что я начала свою жизнь в опере со знакомства с выдающимся мастером — дирижером Туллио Серафином. Он научил меня, как держаться на сцене, открыл секреты вокального мастерства. Маэстро Серафин говорил: помни, Мария, голос — первый инструмент в оркестре. Прима донна означает «первая женщина», она — главная на сцене, в оркестре», — вспоминала Каллас.

Все свободное от репетиций время она проводила с Менегини. Его поддержка так много значила для нее. Последняя репетиция в костюмах и декорациях была назначена на первое августа, за два дня до премьеры. Мария была близорука, она много времени проводила на огромной сцене, знала почти наощупь каждый ее сантиметр. В театр она

прибыла еще до заката солнца, когда осветители проверяли оборудование, и никого из музыкантов или певцов не было на сцене.

Мария нервничала, еще и еще раз проверяла, помнит ли она расположение декораций — ведь на сцене будет темно, лишь сильные прожекторы будут освещать огромный амфитеатр. Менегини обещал присутствовать на генеральной репетиции, но Мария уже не думала о нем — для нее существовала лишь сцена.

Когда поднялся занавес и отзвучала увертюра, все страхи и тревожения улетучились, Мария перевоплотилась в Джиоконду, переживала драму ее жизни. Первый акт прошел блестяще, она сразу задала тон всему происходящему на сцене, подчинила себе оркестр, других исполнителей. Маэстро Серафин поздравил ее, сказав, что все идет прекрасно. Во втором акте декорации представляли собой каменистый обрыв неподалеку от воды. Мария помнила каждый сантиметр, она многократно проходила эту сцену, но в тот раз она оступилась и упала, подвернув ногу.

Серафин держал прежний темп в оркестре и, к его удивлению, Мария так провела эту сцену, как будто падение было задумано изначально. Ни одна нота в ее голосе во время сложнейшей вокальной партии не дрогнула, она блестяще провела и второй акт. Но в третьем акте нога начала стремительно

опухать, боль становилась нестерпимой, вызвали врача, предлагали опустить занавес. Она категорически отказалась. Казалось, что боль придает ее голосу новое драматичное, почти контральтное звучание. Каллас блестяще провела третий и четвертый акты, но в финальной сцене силы оставили ее. Согласно драматургии, она вонзает в себя кинжал и опускается на пол, Мария была уже не в силах подняться. После окончания генеральной репетиции ее отнесли в артистическую. Там ее дождался взволнованный Батиста. Он привез ее в гостиницу, не отходил от нее всю ночь, меняя холодные компрессы. Премьера прошла блестяще, никто не подозревал о случившемся.

Маэстро Серафин так отзывался об итальянском дебюте Марии Каллас: «Я был потрясен тем, что молодая певица — ей было всего двадцать три года, когда я впервые ее услышал, не итальянка, никогда ранее не бывшая в Италии, так глубоко и драматично воспринимала и воспроизводила итальянскую музыку, как будто это ей передалось генетически».

Успех был оглушительным, критики были в восторге от молодой певицы. Мария оказалась на перепутьи: что же дальше? Уезжать в Нью-Йорк, в маленькую тесную квартирку с вечными скандалами? Нет, она не хочет возвращаться в свою

прежнюю жизнь. Но у нее не было никаких видов на будущее, не было достаточно денег на жизнь.

И Менегини принял за нее все решения. Он сказал, что Мария останется в Италии, он позаботится о ее будущем, о контрактах, будет представлять ее интересы. Согласна ли она? Нужно ли говорить о том, как счастлива была Мария. Батиста полностью обновил ее гардероб, они вместе обедали каждый вечер, обсуждали планы на будущее. Он стал ее ментором, отцом, любовником, заменив всех мужчин в ее жизни. Ее не смущала более чем двадцатилетняя разница в возрасте, она была даже рада этому. Мария была влюблена, она писала восторженные письма домой, сестре Джеки и матери.

Однако происходящее не получило никакой поддержки со стороны семьи Менегини. Его мать и ближайшие родственники были против его романа с «этой гречанкой». Батиста еще не сделал официального предложения Марии, он все еще пребывал в нерешительности, не в силах окончательно порвать с родственниками. Его братья говорили, что в случае женитьбы на Каллас, он потеряет большую часть бизнеса. Однако это его не устрасило, и 21 апреля 1949 года Мария Каллас стала синьорой Каллас-Менегини. Она была счастлива. Наконец-то она обрела все, что ранее казалось недостижимым: любящего мужа, оперную

сцену. Счастье не омрачала даже враждебность семьи Батисты по отношению к ней. Новые родственники не давали ей забыть, что ее, дочь бедных греков, приняли в достойную семью итальянских бизнесменов. Ее талант, восторги музыкальных критиков были для них пустым звуком. Батиста, находясь в весьма щекотливом и сложном положении, постоянно извинялся за грубость и бестактность своих родственников.

Менегини-бизнесмен понимал, что голос его супруги можно продать очень дорого. Он приложил все усилия для того, чтобы добиться для Марии хорошо оплачиваемого гастрольного тура по Южной Америке, который начинался буквально на следующий день после скромного свадебного ужина.

И вот Мария Каллас-Менегини, свежее испеченная супруга Батиста Менегини, отправляется в далекий Буэнос-Айрес, где ей предстоит петь сложнейшие главные партии опер: «Аида», «Турандот», «Норма».

Согласно контракту оркестром Teatro Colon в Буэнос-Айресе должен был дирижировать маэстро Серафин. Они сразу же приступили к длительным и тщательным репетициям. Несмотря на занятость и поглощенность работой, Мария скучала без Батисты, она уже привыкла к его заботливому присутствию. Она писала ему страстные письма, в

которых изливала свою одинокую мятущуюся душу. «Спасибо, что ты женился на мне. Нет на свете более счастливой женщины. Ты — мужчина, о котором я мечтала. Моя цель — сделать тебя самым счастливым и гордым мужем».

Гастроли прошли блестяще, в Рим она возвращалась самолетом с семьей маэстро Серафин, ей не терпелось поскорее увидеть мужа, «своего Батисту».

Менегини тоже не терял времени даром. Он встретил молодую супругу в аэропорту. Решив ее поразить, он приехал в новом спортивном авто. Насладившись произведенным эффектом, Батиста повез Марию в их новый дом. Окна большой гостиной роскошного пентхауза выходили на Арену. С балкона можно было даже смотреть спектакли, которые давались на сцене античного театра. Батиста декорировал новое жилище сообразно своему вкусу — повсюду была щедрая позолота: на высоких потолках, обрамлениях картин. Все сияло, отражалось в многочисленных зеркалах. Спальня Марии была розовой, примыкающая к ней туалетная комната была отделана розовым мрамором. Позолоченные краны в форме изогнутых дельфинов сияли. Повсюду стояла антикварная мебель, венецианские люстры в зеркалах отсвечивали миллионами крохотных огоньков.

Мария была потрясена — такой роскоши она никогда в жизни не видела, правда, уже намного позже, она говорила, что пентхауз был обставлен по-мещански. Но в то время она была невероятно счастлива: все в ее жизни складывалось замечательно: у нее был щедрый, любящий муж, роскошный пентхауз, и, конечно же, самое главное — оперная сцена.

«ТРАВИАТА» — МАРИЯ КАЛЛАС

Итак, Менегини стал продюсером своей жены. Он взялся за дело с энтузиазмом и организовывал гастрольные туры Марии. Она ездила с турами по Италии, напряженно работая, расширяя свой репертуар. Слава о ее голосе и драматическом таланте ширилась, критики восхваляли Каллас.

Однако она всегда была своим самым строгим критиком, стремясь к совершенствованию, требуя того же и от своих партнеров по сцене. Это приводило к конфликтам с директорами театров и с большинством актеров, с которыми ей приходилось работать. Знаменательным для нее стало выступление в Римской опере на вагнеровском фестивале, где она пела сложнейшую партию Кундры в опере «Парсифаль». Именно там ее увидел, услышал знаменитый кинорежиссер Лукино Висконти. Эта встреча стала решающей для

обоих, у Висконти появилась идея поставить оперу «Травиата» с Марией Каллас в роли Виолетты.

В начале 50-х Лукино Висконти был кумиром, как бы сказали сейчас, секс-символом времени. Потомок старинного аристократического рода, он появился на свет в миланском палаццо Висконти. Юность провел в Париже, участвовал в движении Сопротивления, был романтическим и талантливым юношей. Висконти известен как один из основателей неореализма в итальянском кино.

Аристократичный, необыкновенно элегантный, с классическими чертами лица и завораживающе гипнотическими глазами, Лукино Висконти был тонким ценителем и знатоком оперного искусства. Увидев Каллас в опере «Парсифаль», он был поражен ее голосом, драматическим талантом. После представления он пришел к ней в артистическую и сказал, что хочет поставить для нее оперу. «Почему?» — прямо спросила Мария. «Потому что я считаю, что вы — величайшее сопрано нашего времени». Она помолчала несколько минут, затем, надев очки, внимательно посмотрела на Лукино. «Вы не похожи на дурака или сумасшедшего, — сказала она, — когда найдете для меня оперу, мы поговорим».

Эта встреча положила начало многолетней творческой дружбе. Мария была польщена,